

Город Забытых Чудес III

Когда
город снова
ДЫШИТ

СТИВЕН КЬЮ

Стивен Кью

Когда город снова дышит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73017217

SelfPub; 2025

Аннотация

Третья – финальная часть трилогии «Город Забытых Чудес» – это история о свете, который невозможно украсть, если он живёт внутри. Лея и Артём возвращаются в мир, который когда-то спасали, и находят его почти исчезнувшим. Чудеса тускнеют, улицы молчат, а Безлик становится сильнее – и впервые обретает голос, страшно логичный и убедительный. Чтобы остановить исчезновение, детям предстоит пройти не внешние испытания, а внутренние: столкнуться с сомнениями, страхом быть «недостаточными», искушением выбрать лёгкость вместо жизни.

Это история взросления и выбора, где герои понимают главное: чудеса не дарит магия – их создают люди, когда верят, любят и продолжают мечтать. Финал тёплый, светлый и честный – о том, что страх не исчезает навсегда, но свет может быть сильнее. И если мир однажды снова станет серым, обязательно найдутся те, кто поверит – и зажжёт его заново.

Стивен Кью

Когда город снова дышит

Глава 1 – Мир начинает темнеть

Иногда мир меняется не сразу. Не так, чтобы проснулся – и всё другое. Нет. Он начинает меняться тихо. Сначала – почти незаметно. Как будто кто-то понемногу убирает из дня цвета, запахи, радость. И если не прислушиваться, можно подумать: «Мне просто показалось». Но Лее не казалось.

Всё началось с утра.

Оно должно было быть как обычно – будильник, маминый голос из кухни, запах тостов. Но вместо этого Лея проснулась с ощущением, будто мир стал тяжелее. Как будто воздух стал гуще, и дышать пришлось чуть сильнее. Она долго лежала, глядя в потолок, и не могла понять, что именно не так. Просто внутри неё тихо звучала тревога, похожая на тонкую ноту, которую никто не слышит, кроме неё.

Она поднялась, подошла к окну... и застыла.

Город был тем же. Дома – те же. Деревья – те же. Даже небо было обычным, только... нет. Не обычным. Цвет как будто поблек. Он был не серым – просто без прежней глубины. Как будто кто-то стёр половину синего.

Лея моргнула, посмотрела ещё раз. Всё вроде нормально. Но сердце сказало: «Не нормально».

– Лея, ты чего застыла? – мамин голос прозвучал бодро,

но как-то устало одновременно. – Завтракай и собирайся, опоздаешь.

– Иду, – ответила Лея, но голос у неё вышел тише, чем обычно.

На кухне всё тоже было привычным. Мама ставила чашку, папа листал новости, но... внутри этого привычного как будто исчезла одна важная деталь – тепло. Мама улыбнулась, но улыбка была короткой, почти механической. Папа говорил что-то про работу, про «надо выдержать этот период», про «все устали», и Лея вдруг поняла, что в его голосе исчезла та самая искорка, которая раньше мелькала, когда он рассказывал о чём-то интересном. Теперь он говорил ровно. Слишком ровно.

– Ты сегодня какая-то задумчивая, – заметила мама. – Что случилось?

Лея открыла рот, чтобы сказать: «Кажется, мир становится серее». Но вовремя остановилась. Что она скажет? Что небо неправильно улыбается? Что воздух тяжёлый? Что люди стали другими, но сами этого не замечают?

– Ничего, – тихо сказала она. – Просто устала, наверное.

Мама понимающе кивнула. В последнее время это было любимое слово взрослых – «устала». Им объясняли всё: раздражение, холодность, отсутствие смеха. Устали.

Но Лея знала – дело не только в этом.

По дороге в школу она смотрела на людей. Обычно по утрам город был похож на муравейник – шумный, светлый,

живой. Сегодня люди шли быстрее обычного, но не потому, что спешили. Скорее потому, что хотели поскорее пройти мимо друг друга. Разговоры звучали глухо. Никто не смеялся. Даже дети шли как-то молча.

Одна маленькая девочка на остановке показывала маме небо и восторженно говорила:

– Смотри, облако как дракон!

Мама даже не подняла головы.

– Перестань, – устало сказала она. – Похоже на облако и всё. Не выдумывай.

И было что-то особенно обидное в том, как легко взрослые иногда отмахиваются от чудес.

В школе стало ещё страннее.

Кто-то спорил, кто-то жаловался, кто-то как обычно шумел... но в этом шуме будто исчезло живое. Много слов – мало смысла. Раньше коридоры были похожи на реку, полную блеска и смеха. Сегодня они напоминали длинный коридор больницы – люди движутся, но каждый как будто в своей маленькой прозрачной коробке.

Артём ждал её у кабинета. Обычно он улыбался сразу, как только её видел. Сегодня он тоже улыбнулся... но как будто через силу.

– Ну привет, – сказал он, и в его голосе прихованно дрогнула та же нотка, что и в её утреннем воздухе. – Ты тоже чувствуешь?

Она кивнула. И им даже не пришлось объяснять, что

именно.

– Вчера было почти так же, – сказал Артём шёпотом. – А сегодня ещё сильнее. Как будто всё... медленно... тухнет.

Он хотел пошутить. Правда хотел. Но шутка застряла где-то в горле.

Уроки проходили как будто под стеклом. Учительница говорила правильные слова о планах, о будущем, о серьёзности... но казалось, что все эти слова как будто сделаны из бумаги. Гладкие. Ровные. Без вкуса.

И всё время где-то внутри Лея чувствовала знакомый холодок. Не как страх. Скорее как предупреждение.

После школы они с Артёмом спрятались в том самом закутке у окна, где уже не раз обсуждали вещи, о которых никто вокруг не подозревал.

– Это не просто настроение, – сказала Лея. – Это не «мы устали», не «осень виновата». Это... будто кто-то медленно выключает цвет.

– У меня дома тоже странно, – признался Артём. – Мама сегодня сказала: «Хватит мечтать о глупостях, думай о реальности». И это не звучало как обычное ворчание. Это звучало... холодно. Как будто «мечтать» – это уже что-то неправильное.

Они замолчали.

И в этой тишине Лея вдруг почувствовала знакомое присутствие.

Тихое. Хрупкое. Но родное.

Она медленно сунула руку в карман.

Мистер Секунда был там.

Он не оживал. Не говорил. Но был тяжёлым. Слишком тяжёлым. Как будто время внутри него еле двигалось. Лея осторожно раскрыла ладонь.

Часы выглядели... больными.

Стрелки дрожали. Иногда на секунду замирали. Корпус будто потускнел. Даже маленькое тёплое сияние, которое он всегда хранил внутри себя, едва-едва мерцало.

– Мистер...? – прошептала Лея.

Часы не ответили сразу. Только где-то глубоко внутри них прозвучал слабый, уставший тик.

Тик... пауза... так.

– Он... – Артём сглотнул. – Он ведь раньше так не выглядел.

– Нет, – шепнула Лея. – Никогда.

Она прижала его к ладоням, словно могла согреть.

– Пожалуйста... скажи что-нибудь.

И тогда стрелки, как будто собрав последние силы, дёрнулись. Голос прозвучал глухо, как будто издалека:

– Я... ещё здесь.

Лея едва не расплакалась от облегчения.

– Что с тобой? – спросила она.

Ответ пришёл не сразу.

– Время... становится тяжелее, – сказал Мистер Секунда. – Мир... меняется. И не только тот.

Он на мгновение замолчал. И в этой паузе Лея поняла главное – он боится. А если боится он... значит, всё гораздо серьёзнее, чем кажется.

– Безлик... – произнёс он тихо, почти шёпотом. – Он... выходит. За пределы Города Чудес.

И вдруг стало холодно. Не от ветра. Изнутри.

Потому что это значило только одно.

То, что раньше было далеко, там, где только они могли попасть... теперь шагало прямо в их мир.

Некоторое время Лея и Артём просто молчали.

Слова Мистера Секунды повисли между ними, как морозный воздух. Всё вокруг оставалось прежним: пыльный подоконник, серый школьный коридор, приглушённый гул голосов за стеной. Но теперь казалось, что мир стал чуть больше трещать по швам.

– Он... здесь? – первым нарушил тишину Артём. Голос у него был непривычно хриплым. – Прямо... в нашем городе?

– Пока... нет, – с усилием ответил Мистер Секунда. Стрелки дернулись и снова дрогнули. – Но граница... тоньше. Там, где люди... сами перестают мечтать, он... находит щели.

– Граница между нашими мирами? – прошептала Лея.

– Между тем, где мечты живут, и тем, где их... забрасывают, – сказал Мистер Секунда. – Раньше Безлик... держался там, где его... придумали. В страхах. В разочарованиях. В забытых улицах Города Чудес. Теперь... люди помогают ему...

выходить наружу. Каждый раз, когда говорят: «Так проще, если ничего не хотеть».

Он замолчал и, кажется, даже чуть потемнел.

Где-то за стеной прозвенел звонок, резкий, слишком громкий. Лея вздрогнула. Звук был такой, будто кто-то пытался разбудить школу... но будить было уже некого.

– Нам надо в класс, – глухо сказал Артём. – Иначе нас официально объявят прогульщиками и вечно несерьёзными элементами.

Обычно он сказал бы это смешно. Сейчас – просто констатировал факт.

Лея сжала часы в ладони.

– Отдохни, – тихо прошептала она Мистеру Секунде. – Мы вернёмся после уроков.

– Время... не отдыхает, – пробормотал тот. Но стрелки всё-таки замедлились, и голос затих.

На уроке Лее казалось, что она сидит за стеклом. Учительница что-то объясняла, писала формулы, ставила вопросы. Класс отвечал, кто-то списывал, кто-то рисовал в тетради. Всё, как всегда. Только сегодня Лея всё время ловила странные мелочи.

Например, учительница математики раньше иногда улыбалась, когда кто-то неожиданно правильно решал сложную задачу. Не очень заметно, но всё равно – маленький тёплый огонёк. Сейчас её лицо было словно застывшей маской. Никаких огоньков.

– Математика – это не творчество, – сказала она, проходя между партами. – Тут нет места фантазиям. Только точный расчёт. Запомните: в жизни так же.

Раньше Лея спорила бы внутри себя. Теперь почувствовала тревожное «да, но...» и вдруг поймала себя на мысли. а если этот голос – не её? А если это где-то там, в тумане, кто-то одобрительно кивает: «Вот так и нужно»?

Она оглянулась. На секунду ей показалось, что в углу над шкафом клубится крошечный белёсый дымок. Но стоило ей моргнуть – он исчез.

После уроков всё посыпалось мелкими странностями.

На большой перемене ребята в классе обычно играли в свои шумные игры: спорили, кто сильнее, придумывали глупые челленджи, смеялись. Сегодня все сидели по группкам, каждый уткнувшись в свой телефон. Экранные лица подсвечивали настоящие – делая их одинаковыми.

– Смотрите, что прислали, – сказала Маша с первой парты. – Какой-то тест «проверь, насколько ты реалист».

– А это круто? – спросил кто-то.

– Конечно, – важно ответила она. – Сейчас главное – быть реалистом. Мечтатели... – она презрительно фыркнула, – они всё равно всегда проигрывают.

Раньше кто-то из ребят обязательно возразил бы. Сегодня – никто. Даже не потому, что согласны. Просто... не захотели тратить силы.

Лея почувствовала, как внутри всё сжимается. Слово

«мечтатель» в этом классе звучало почти как обидное.

– Может, у них всех просто плохой день, – шепнул Артём, наклоняясь к ней. – Один общий на всех.

– А может, это не просто день, – так же тихо ответила Лея.

После школы они шли домой по знакомому маршруту. Дворы, качели, лавочки. Те же объявления на стенах. Но даже кот во дворе, обычно ленивый, но довольный жизнью, сидел с каким-то обиженным видом и не реагировал на протянутую руку мальчишки.

– Видела? – кивнул туда Артём. – Даже кот выглядит так, будто ему выдали квитанцию «Никаких чудес до конца месяца».

Лея хмыкнула, но смех получился коротким.

– Или это я всё себе придумываю? – неожиданно спросил он. – Мы знаем про Безлика, знаем про туман... Может, теперь нам везде чудится, что всё плохо?

Лея остановилась и посмотрела вокруг внимательнее. На лавочке сидела старушка и кормила голубей. Только не смотрела на них. Обычно такие бабушки разговаривают с птицами, улыбаются им. Эта – бросала крошки, глядя в одну точку. Мимо шёл подросток с гитарой, но гитара была в чехле, и по его лицу было видно: играть он не собирается. Просто несёт. Для галочки.

– Нет, – тихо сказала Лея. – Нам не кажется.

Дома стало ещё яснее.

Мама пришла позже обычного, с тяжёлым вздохом и фра-

зой:

– Я больше не верю, что что-то может измениться на работе. Главное – как-нибудь дожить до отпуска.

Раньше она хотя бы иногда рассказывала о своих идеях, о том, что «можно попробовать сделать по-другому». Сегодня – только «дожить».

Папа за ужином смотрел новости. На экране сменялись сюжеты: кто-то снова поссорился, где-то что-то подорожало, кто-то жаловался, что «всё становится сложнее».

– Люди стали злее, – вдруг сказал он, переключая канал. – Никто ни о чём хорошем уже не говорит. Только проблемы. Иногда кажется, что мир устал.

Он говорил спокойно, но в его голосе не было ни капли надежды. Только, как ни странно, согласие: «Ну да, устал – значит, так и надо».

– А если он устал, ему нужно отдохнуть, – осторожно сказала Лея. – А не... сдаться.

Папа взглянул на неё, как будто хотел что-то ответить, но передумал.

– Ты ещё маленькая, – сказал он. – Вырастешь – поймёшь. Это «вырастешь – поймёшь» почему-то прозвучало как «вырастешь – тоже перестанешь мечтать».

После ужина Лея ушла к себе в комнату и закрыла дверь. Сердце стучало тревожно. Она достала Мистера Секунду из кармана и положила на ладонь.

– Ты ещё здесь? – спросила она.

– Куда же я... денусь, – слабо отозвался он. – Время... всегда здесь. Вопрос в том, что с ним делают.

Стрелки дрожали сильнее. Между тиками были маленькие паузы, которых раньше не было.

– Скажи... – Лея села на кровать, поджав ноги. – То, что происходит с людьми... это тоже из-за Безлика?

– Часть, – ответили часы. – Люди... сами начали. Когда стали считать, что мечты – это лишнее. Безлик всего лишь... воспользовался. Он любит места, где... пусто. Там, где раньше были желания, планы, надежды... Если это всё выкинуть, остаётся... удобная пустота. Он... живёт в ней.

– Он забирает у людей мечты? – уточнила Лея.

– Не сразу, – Мистер Секунда тяжело тиканул. – Сначала он... предлагает облегчение. «Зачем стараться? Зачем верить? Будет легче, если перестанешь». Люди... соглашались. Чуть-чуть. Ещё чуть-чуть. Каждый раз по кусочку. А потом... он уже не за пределами. Он – внутри.

Лея вспомнила Машу с её «мечтатели проигрывают». Учительницу с её «нет места фантазиям». Мамину усталую «ничего не изменится». Папино «вырастешь – поймёшь». И вдруг очень ясно увидела: это не просто слова. Это маленькие шаги в сторону пустоты.

– А ты... почему такой слабый? – шёпотом спросила она. – Это... тоже он?

– Я связан с Городом Чудес, – ответили часы. – И с теми, кто... ещё верит. Когда Город... задыхается, время для него

течёт... тяжелее. Когда люди... сдаются, я это чувствую. Я не умираю, – поспешно добавил он, словно не хотел её пугать, – но мне... трудно двигать стрелки. Как будто каждую секунду нужно... тянуть на себе.

В горле у Леи зашипало.

– Прости, – прошептала она. – Мы... слишком долго жили, как будто всё в порядке.

– Вы дети, – мягко возразил Мистер Секунда. – Вы вообще-то сделали... больше, чем многие взрослые. Но сейчас... время другое. Город... не просто умирает. Безлик... ищет выход. Если он... закрепится здесь, в вашем мире... Туман Забвения станет... обычной погодой. Люди даже не поймут, что... чего-то лишились. Им просто будет казаться, что так... всегда и было.

Лея обняла колени и прижала подбородок к ним.

– Что мы можем сделать? – спросила она. – Мы же... просто два ребёнка. И один... очень уставший часы.

– «Просто» два ребёнка уже однажды... изменили целый город, – напомнил Мистер Секунда. В его голосе промелькнула прежняя искринка. – Вы... видите то, чего не видят другие. Чувствуете. Пока вы... замечаете, мир ещё не проиграл. Но... – стрелки снова дрогнули, – решать всё равно вам. Время... не может заставить.

Снаружи, за окном, город медленно темнел. Лампочки на улицах зажигались, но их свет казался жёлтым и усталым, как глаза человека, который не выспался всю жизнь. В со-

седнем доме кто-то громко спорил. Где-то завывала машина. Где-то хлопнула дверь.

Лея подошла к окну.

В темноте было видно множество окон. Почти в каждом – голубоватый прямоугольник экрана. Люди смотрели туда, словно надеялись увидеть что-то, что развеселит или отвле-чёт. Но лица... оставались одинаковыми. Уставшими. Раздражёнными. Пустыми.

«Если Безлик выйдет сюда совсем, – подумала Лея, – никто даже не почувствует, что это он. Все решат, что это просто... жизнь».

В горле снова стало горько.

Она сжала кулак вокруг Мистера Секунды.

– Я не хочу, чтобы так было, – тихо сказала она. – Не хочу, чтобы наш город стал таким же, как те серые улицы там... у вас.

– Тогда... придётся... – голос Мистера Секунды стал слабее, но твёрже, – быть теми, кто... не перестаёт мечтать, даже когда всем... лень. И не только мечтать. Делать. Говорить. Напоминать. Сначала... хотя бы самим себе.

Где-то далеко в другом конце города, в своей комнате, Артём стоял у окна точно так же. В руке он держал телефон, но экран давно погас. В голове крутилась одна и та же мысль: «Если я сейчас просто лягу спать и забуду всё это... разве от этого станет лучше?»

Он вздохнул, бросил телефон на кровать и прошептал в

темноту:

– Ладно, Безликий. Если ты правда собрался к нам... готовься. Тут уже есть двое, кого ты просто так не сотрёшь.

Никто не ответил. Но за окном ветер, казалось, подул чуть сильнее, будто что-то невидимое шевельнулось.

Ночью Лее долго не удавалось уснуть. Каждый раз, закрывая глаза, она видела то серое небо, то тусклые лица, то дрожащие стрелки. Но вместе с этим в ней жило другое: тёплое воспоминание о Городе Чудес, о живых улицах, о светящихся домах, о смехе Искры и тихом голосе Тени.

Мир действительно начинал темнеть. Это чувствовалось кожей.

Но где-то глубоко внутри у неё вспыхнуло маленькое, упрямое «нет». Оно было ещё слабым, ещё не очень смелым. Но оно было.

И пока оно жило, тьма ещё не победила.

Глава 2 – Последний зов

Ночь выдалась странной. Не страшной, не бурной – просто слишком тихой. Тишиной, которая не отдыхает, а слушает. И где-то глубоко в этой тишине Лея вдруг проснулась, словно кто-то лёгонько позвал её по имени. Она не вскрикивала, не хватала воздух – просто открыла глаза и сразу поняла: это не обычное пробуждение.

В комнате было темно. Только свет фонаря из-за окна резал занавески и ложился на пол длинным жёлтым пятном. Лея медленно приподнялась и уже знала, почему просну-

лась.

Мистер Секунда.

Он лежал на тумбочке рядом с кроватью. Там, где Лея оставила его вечером. И теперь он тихо светился. Не привычным добрым золотистым сиянием, не игривым блеском, как раньше. Свет был тяжёлым, тревожным, словно внутри маленьких часов зажгли не радость, а сигнал бедствия.

Он не звонил. Не прыгал. Не шутил. Никаких «тик-така со смыслом» и загадочных смешков. Только ровное, упрямое, будто последнее.

Лея наклонилась ближе.

– Я здесь, – прошептала она, хотя понимала: он и так знает.

Стрелки дрожали, медленно, с усилием, но двигались. Внутри часового стекла что-то слабенько мерцало – как будто время пыталось удержать само себя, чтобы не рассыпаться.

– Ты... звонишь меня? – спросила Лея.

Ответ не пришёл сразу. Мгновение тянулось долгим, тревожным ожиданием, и Лея почувствовала, как сердце начинает стучать быстрее.

И тогда часы заговорили.

– Лея...

Голос был тихим. Уставшим. Совсем не тем, каким он был, когда они впервые встретились. Не звонким и хитрым. А взрослым. Серьёзным. Так говорят, когда больше нельзя

шутить.

– Время... почти вышло.

Лея вздрогнула. Её ладони сами обхватили часы, как будто она могла удержать его, спрятать от всего мира.

– Ты сможешь, – торопливо сказала она. – Ты уже выдерживал. Мы спасали город. Мы... сделаем это снова.

Но Мистер Секунда не ответил сразу. Его свет чуть притух, потом вновь усилился, словно он глубоко вдохнул.

– Я не исчез... – сказал он медленно. – Но Город... исчезает.

Это слово ударило сильнее, чем если бы он сказал «умирает». Исчезает – значит, стирается. Значит, его может не стать так, словно его никогда не было.

– Насколько? – прошептала Лея.

– Половины улиц... больше нет, – тихо сказал он. – Музыка... молчит. Площадь, где мечты пели... распалась на пыль. Жители... слабеют. Кто-то уже... не помнит, что когда-то умел смеяться. Даже фонари... не знают, зачем светить.

Лея сжалась.

Город Чудес был живым. Не просто местом. Он дышал, чувствовал, любил. И теперь... он почти перестал быть.

– Безлик? – спросила она.

– Он... растёт, – подтвердил Мистер Секунда. – И не только там. Каждый раз, когда кто-то здесь... решает, что мечты – лишние, он становится сильнее. И Город... становится слабее. Он держался. Очень долго. Дольше, чем мог. Но...

больше не может сам.

Слова падали, как тяжёлые камушки. И от каждого камушка в сердце Леи становилось холоднее.

– Значит... – она вздохнула, и голос у неё дрогнул, – он зовёт нас?

Часы немного сильнее засветились. Да. Это был ответ, даже если он и не сказал «да» вслух.

Лея смотрела на них и поняла вдруг простую, но страшную вещь: это – последний зов. Не в смысле «последняя возможность приключений». Не «последняя весёлая тайна». Нет. Это было похоже на крик о помощи. На руку, тянущуюся из тёмной воды.

– Мы придём, – сказала она уверенно. И удивилась – голос прозвучал твёрдо. Даже для неё самой.

Она уже не чувствовала себя той девочкой, которой страшно, но интересно. Теперь было просто страшно. И важно. Как будто кто-то положил в её ладони не игрушку, а живое сердце, которое нельзя уронить.

Она оделась почти молча, чтобы не разбудить родителей. На несколько секунд задержалась в дверях комнаты – оглянулась на свой стол, книги, мягкого медвежонка. Всё это казалось таким обычным, таким нормальным... и таким хрупким.

«Я вернусь», – подумала она. И почему-то добавила: «Я должна».

Во дворе воздух был холоднее, чем обычно. Дом спал. Ок-

на в большинстве квартир погасли, но даже те, что светились, не казались тёплыми. Свет в них был такой же – уставший.

На скамейке, где они часто болтали летом, сейчас лежал тонкий слой инея. Он выглядел как дыхание зимы, которую позвали раньше времени.

Артём появился через несколько минут – как будто они договорились заранее, хотя ни слова друг другу не писали. Он шёл быстро, и даже в темноте было видно: он тоже не спал.

– Ты... тоже почувствовала? – спросил он, ещё не успев толком подойти.

Она просто показала ему часы.

Свет Мистера Секунды упал на его лицо. Артём помрачнел. Так он выглядел редко. Обычно даже когда страшно, он улыбался – хотя бы немножко, хотя бы одним глазом. Сейчас – нет.

– Похоже, это не просто «что-то не так», – пробормотал он. – Это... «всё совсем плохо», да?

– Почти, – кивнула Лея. – Он сказал... Город почти исчез.

На долю секунды Артём отвернулся. Не потому, что ему всё равно. Наоборот – слишком не всё равно. Он глубоко вздохнул, как перед прыжком с большой высоты.

– Значит, – сказал он, уже ровнее, – мы идём.

Он не спросил «ты уверена?». Не сказал «может, подождём?». Не предложил «вдруг кто-то другой справится». Он

просто принял это как факт.

Лея вдруг поняла, как сильно он изменился. Раньше он всегда хотел приключений из-за адреналина, из-за смеха, из-за «прикольно же!». А теперь – потому что нужно.

– Нам страшно, да? – честно спросила она.

– Очень, – честно ответил он. – Но... когда не страшно – это не храбрость. Это просто глупость. А мы... вроде не глупые.

Он попытался улыбнуться – получилось криво, но по-настоящему.

Лея тоже улыбнулась.

– Мы уже не маленькие, – сказала она неожиданно для самой себя.

И это было не бахвальство. Не попытка казаться взрослой. Это звучало как констатация. Да, они всё ещё дети. Да, им всё ещё сложно. Но они уже видели слишком многое, чтобы закрыть глаза и сказать: «Пусть это решит кто-то другой».

Мистер Секунда засветился чуть теплее. Словно эти слова сделали ему легче.

– Тогда... – его голос снова прозвучал. Очень тихо, но уже не таким безнадёжным. – Тогда... я открою дорогу. Возможно... в последний раз.

Они переглянулись.

Последний раз.

Внутри и у Леи, и у Артёма что-то дрогнуло. Но никто из них не отступил.

Дорога до школы ночью казалась другой.

Днём здесь гудели машины, спешили люди, звенели велосипеды, пахло выпечкой из ближайшей булочной. Сейчас улицы были почти пустыми. Лишь редкие фонари бросали жёлтые пятна на асфальт, и от этого казалось, будто мир разбился на отдельные островки света, между которыми простиралась вода темноты.

Лея и Артём шли рядом, не заговаривая. Слова сейчас казались лишними. Всё главное уже было сказано – и часами, и сердцами.

Лея иногда бросала взгляд на окна домов. За одними ещё горел свет – там кто-то допоздна смотрел телевизор, спорил, мыл посуду. За другими было темно. И в этих тёмных окнах ей чудилось что-то опасное – не монстры, не тени, а пустота. Такая, в которой легко потерять всё, что любишь, и даже не заметить этого.

– Знаешь, – вдруг тихо сказал Артём, – я думал, что когда меня позовут «спасать мир» во второй раз, я буду чувствовать себя героем. Типа: «Вот он я, весь такой опытный». А сейчас... – он пожал плечами, – я просто чувствую, что нельзя иначе.

– Тоже, что ли, вырос? – попыталась улыбнуться Лея.

– Не знаю, насчёт вырос, – хмыкнул он, – но внутри как будто стало... теснее. Как будто там больше не помещается «ничего не делать».

Они свернули во двор школы. В темноте здание выгляде-

ло чужим. Днём – просто школа, где все знают расписание, правила и звонки. Ночью она была похожа на огромный спящий зверь: окна тёмные, двери закрыты, коридоры – молчаливые.

– Если нас сейчас кто-нибудь увидит... – начал было Артём.

– То подумает, что мы просто забыли тетрадку, – закончила за него Лея. – И всё равно скажет: «Слишком много фантазируете».

Они одновременно усмехнулись. Смех вышел не весёлым, но живым.

Через знакомую щель в заборе пробраться на территорию оказалось легче, чем раньше. Как будто даже железо устало сопротивляться и решило: «Ладно, проходите, только тихо».

Внутри школа пахла пылью, бумагой и чем-то ещё – тонким, неуловимым. Смешанным запахом детства, тревоги и тайны. Их шаги глухо отдавались в пустом коридоре. Свет фонарей с улицы пробивался сквозь окна и рисовал на стенах длинные полосы.

– Странно, – прошептал Артём. – Я думал, в пустой школе будет страшнее. А сейчас... просто серьёзно.

– Потому что мы знаем, зачем пришли, – так же тихо ответила Лея.

Они поднялись по лестнице. Каждый пролёт был знаком до последней трещины, но сегодня всё казалось как будто чуть-чуть чужим. Плакаты с призывами «думать о будущем»

выглядели бледнее. Стенд с достижениями школьников – как ряд аккуратных рамок без смысла.

На верхнем этаже, возле двери на чердак, Лея остановилась. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Она посмотрела на Мистера Секунду – его свет стал ещё плотнее. Всё так же тревожным, но теперь в нём чувствовалась собранность. Как у человека, который принял решение.

– Готов? – шепнула она.

– Время... всегда готово, – ответил он. Голос по-прежнему был слабым, но твёрдым. – Вопрос... готовы ли вы.

Лея посмотрела на Артёма.

– Я, – сказал он, – может, и не готов, но ноги уже сами сюда пришли. Так что назад... как-то нелогично.

И, не дожидаясь, пока страх придумает отговорку, он потянулся к двери на чердак.

Замок щёлкнул удивительно легко. Как будто давно ждал этого момента. Дверь открылась, и на них разом пахнуло знакомым воздухом: пыль, дерево, воспоминания. Но теперь к этому запаху примешивалось ещё что-то – холодное, сухое. Как будто сквозняк из мира, где ничего не осталось.

Они поднялись по ступеням.

Чердак встретил их полутьмой. Лёгкие лучи света пробивались из маленького окошка под крышей и ложились на коробки, старую мебель, забытые плакаты. Всё было почти так же, как в первый раз. Только ощущение – совсем другое.

Тогда здесь будто прятались забытые мечты. Сейчас – за-

бытые мечты и тонкий запах опасности.

Лея перевела взгляд на стену, которую никогда не рисовали на плане школы. Ту, в которой однажды уже была дверь, ведущая туда, где мир умеет дышать чудесами.

Стена выглядела... плохо.

Трещины, которые появились ещё во вторую их вылазку, теперь стали глубже. Пыль на ней лежала не ровным слоем, а полосами, словно по ней кто-то проводил невидимой рукой, стирая рисунок. В одном месте поверхность потемнела, в другом – напротив, стала почти белой, как будто её выжгли.

И всё равно – она отзывалась. Лея чувствовала это так ясно, как будто стену и её сердце соединяла тонкая невидимая ниточка.

– Она ещё... держится, – тихо сказала Лея.

– Как и Город, – ответил Мистер Секунда. – На остатках веры.

Артём подошёл ближе и провёл пальцами по стене. Под пальцами было не просто холодное дерево или штукатурка. Что-то мягко дрогнуло, словно кожа, под которой бьётся слабый пульс.

– Привет, – серьёзно сказал он. – Это мы. Мы вернулись. Немного подросли, немного посидели внутри, но всё ещё здесь.

Стена, конечно, не ответила словами. Она сделала другое.

Сначала – тишина. Такая плотная, что Лее показалось: если поднести руку к воздуху, можно потрогать его, как ткань.

Потом... лёгкий свет. Очень слабый, едва заметный, но настоящий. Он проступил изнутри, как если бы кто-то за тонкой занавеской зажёл маленькую свечку.

Лея вытянула руку и положила на стену ладонь. Мистер Секунда оказался между ними – его корпус коснулся поверхности.

Стрелки дрогнули – не от слабости, а как от усилия.

– Слушайте, – сказал он. – И... вспомните всё.

Лея закрыла глаза.

Перед ней вспыхнули картины: улицы, по которым можно ходить босиком по музыке; дома, которые дышат вместе с тобой; Искра, смеющаяся так, что хочется смеяться в ответ; Тень, который тихо помогает там, где все боятся; жители, сотканные из чужих мечтаний; фонари, показывающие не номера домов, а желания.

А потом – то, что она видела во второй части их приключений: серые пятна, туман, лица без черт, улицы, стирающиеся, как рисунок на мокром стекле. И ещё – взгляд Города. Не глазами, а всем собой. Взгляд живого существа, которое боится исчезнуть, но всё равно до последнего светится для тех, кто верит.

У Леи защипало глаза. Не от страха. От того, как сильно она скучала.

– Я помню, – прошептала она.

– И я, – отозвался рядом Артём.

На стене свет стал сильнее. Тонкие линии, почти неви-

димые, начали проявляться – как рисунок, проявляющийся на фотобумаге. Они сплетались, соединялись, образуя знакомый узор: контур двери, ручку, едва заметную рамку.

Но в этом узоре было нечто новое. Между линий, в самых маленьких пробелах, будто застряли тёмные, дымчатые пятнышки. Они не шевелились, но от них веяло холодом.

– Он... уже здесь, – тихо сказала Лея.

– Туман... тянется, – подтвердил Мистер Секунда. – Даже сюда. Ему нравится... там, где сомнения. Но пока у вас... нет сомнений, он... не пройдёт.

Артём хмыкнул.

– Ну сомнения у меня, конечно, есть, – честно признался он. – Например: кто придумал, что мир должно спасти двое школьников? Но... – он посмотрел на Лею, – насчёт одного я точно не сомневаюсь. Я не хочу, чтобы Город исчез. И не хочу, чтобы Безлик поселился здесь.

– Я тоже, – кивнула Лея. – Значит, пока этого достаточно.

Мистер Секунда тихо тикнул.

– Иногда... достаточно, чтобы кто-то... просто сказал «нет», – произнёс он. – Остальное... придёт по пути.

Свет в стене собрался, стал плотнее. Контур двери стал чётким, осязаемым. Если провести пальцами по рамке, можно было почувствовать лёгкую вибрацию – как у струны перед тем, как по ней проведут смычком.

– Это правда... может быть в последний раз? – спросила Лея.

– Для меня... да, – спокойно ответили часы. – Для вас... не знаю. Может быть... наоборот – самый первый раз, когда вы пойдёте не как дети, которым... случайно досталось приключение, а как те, кто... сами выбрали.

Слова легли глубоко. Лея вдруг поняла, что раньше они всё-таки немного надеялись «на взрослых»: на волшебных жителей, на мудрый Город, на то, что кто-нибудь подскажет, удержит, прикроет. Сейчас она ясно ощущала: прикрывать, скорее всего, будет некому. Есть только они, Город – и Безлик.

И почему-то от этой мысли в груди стало не только страшно, но и... ровно. Как будто всё наконец-то стало на свои места.

Артём подошёл ближе и положил руку на ручку двери.

– Ну что, напарница, – сказал он, глядя на Лею, – считаем до трёх?

Она тоже положила руку, поверх его. Чуть крепче, чем в прошлые разы. Не потому что боялась упасть, а потому что так легче идти.

– Раз, – тихо сказала Лея.

– Два, – добавил Артём.

Они замолчали на миг. На этот короткий миг мир как будто затаил дыхание: школа, город, тёмные окна, уставшие люди, далёкий почти стёртый Город Чудес, даже сам Безлик где-то в туманной глубине. Всё застыло на границе «до» и «после».

– Три, – сказала Лея.

Они одновременно толкнули дверь.

Но что будет по ту сторону, им предстояло увидеть уже в следующий момент.

Сейчас важно было другое: в темнеющем мире нашлись двое, кто, зная, как страшно, всё равно решил идти. И Город Чудес ответил им последним, упрямым светом.

Глава 3 – Город на краю исчезновения

Первое ощущение было... тишиной.

Не той тишиной, которая бывает после весёлого праздника, когда все устали, счастливо посапывают и город мирно спит. Нет. Это была тишина, в которой раньше жила музыка, но её вынули, как струн из инструмента. И теперь там только пустота, в которой ничего не откликается.

Лея шагнула первой.

Она всегда представляла себе возвращение в Город Чудес как встречу с родным местом: свет, смех, неожиданности на каждом шагу, уютная магия, как шаль, которую набрасывают на плечи. Но сейчас... Город был здесь – и как будто его не было.

Улицы растянулись впереди – знакомые, и одновременно чужие. Когда-то они сияли, переливаясь цветами, звуками и запахами. Теперь... они были серыми. Просто серыми. Даже не чёрно-белыми, где есть контраст и сила. Нет. Серость была мягкой, вязкой, как густой туман, в котором всё теряет очертания.

Когда-то эти мостовые тихо пели, когда по ним шли. Сейчас под ногами было глухо. Как будто шаги не оставляли следов.

– Он... пустой, – выдохнул Артём.

Он сказал это тихо. Даже слишком тихо для него. И дело было не в том, что он боялся. Просто громкие слова казались здесь неуместными, как смех на похоронах.

Лея чувствовала, как внутри всё сжимается. Её взгляд цеплялся за каждую деталь: за знакомый фонарь, который раньше показывал мечты прохожих, а теперь стоял, как простая железная палка; за дома, которые раньше дышали – окна моргали, крыши улыбались, стены шептались о секретах – а сейчас были... пустыми оболочками. Они стояли, но внутри них ничего не жило.

– Это... всё ещё Город? – прошептала она.

– Пока – да, – ответил Мистер Секунда, и его голос прозвучал как шорох старой бумаги. Он тоже едва светился. – Он держится за остатки. За тех, кто ещё верит. За тех, кто... не исчез.

Слово «исчез» прозвучало слишком прямым.

– Ты говорил... – Лея сглотнула, – что многие жители...

– Их... стало меньше, – сказал Мистер Секунда тихо. – Кто-то растворился в тумане. Кто-то... уснул навсегда. Кто-то перестал существовать даже как память.

Артём замер.

– Подожди... как «перестал существовать как память»?

Часы слегка дрогнули.

– Есть такие мечты, которые люди просто забывают. Не убивают специально. Они просто... перестают о них думать. И тогда Город не может удержать того, кто был сделан из этой мечты. Он сначала становится прозрачным. Потом... исчезает.

Лее стало холодно, хотя воздух был тёплым.

Она смотрела на дальнюю улицу и вдруг заметила: кое-где виднелись странные пустоты. Не тёмные дыры, не разрушения – просто места, где «ничего». Ни стены, ни дорожки. Как будто кто-то взял ластик и стер кусочек мира.

– Я ненавижу это, – выдохнул Артём. – Реально ненавижу. Лучше пусть будет злой, опасный, страшный Город – но живой. А это... это как будто кто-то выключил его из розетки.

Они шли дальше.

И с каждым шагом становилось страшнее – не потому, что появлялись чудовища, а потому, что их не было. Потому что вместо них была пустота.

Там, где когда-то пахло пирогами с фантазиями, теперь не пахло ничем. Там, где звучали истории, теперь было молчание. Там, где дети смеялись и катались на каруселях, которые умели летать по воспоминаниям, теперь стояли неподвижные каркасы.

И вдруг – движение.

Совсем крошечное.

Сначала Лея решила, что ей показалось. Но потом заме-

тила – в глубине одной из улиц колыхнулось слабое сияние. Не яркое. Бледное. Но живое. Как огонёк свечи, который отчаянно защищается от ветра.

– Ты это видишь? – прошептал Артём.

– Да.

Они осторожно пошли туда.

Сначала показался силуэт. Потом – едва различимая фигура. И, наконец, они увидели того, кого нельзя было спутать ни с кем.

Фонарь-страж.

Когда-то он был высоким, значительным, гордым. Его голова-лампа сияла так, что можно было согреться одним взглядом. Его голос звучал строго, но справедливо. Он был тем, кто охранял покой Города.

Теперь... он выглядел так, будто его сделали из пепла. Его металлическое тело потускнело и потрескалось. Свет внутри лампы дрожал, как больное сердце. Опора слегка наклонялась, будто ему было тяжело держаться.

Но когда он увидел их – свет вспыхнул сильнее. Ненадолго. Но так, словно кто-то внутри закричал от радости.

– Дети... – голос был хриплым, но узнаваемым. – Вы... вернулись...

И в этих двух словах было столько облегчения, что Лея чуть не заплакала.

– Мы... не могли не прийти, – сказала она, подходя ближе. – Прости, что так поздно.

– Это... не вы виноваты, – фонарь-страж медленно наклонил голову. – Город держался... сколько мог. Мы ждали... верили... надеялись... Но Безлик становится... тем, что люди сами впускают. Его трудно закрыть... если двери открыты изнутри.

Артём подошёл и осторожно коснулся его основания ладонью. Металл был холодным. И тем не менее... живым.

– Другие... есть? – спросил он тихо. – Кто-то ещё остался? Фонарь-страж замер на секунду. Свет у него в лампе дрогнул.

– Есть... – сказал он. – Но мало. Кто-то из жителей прячется. Кто-то слишком слаб. Кто-то... не верит больше даже в себя. А таких Безлик любит больше всего. Но когда в Городе загорелся... этот свет... – он взглянул на Мистера Секунду, – многие почувствовали. Знаете... как будто кто-то шепнул: «Они идут. Ещё не всё потеряно».

Лея сжала часы крепче.

– Мы постараемся, – сказала она. – Правда постараемся.

– Вы... уже делаете больше, чем многие, – тихо ответил фонарь. – Вы... пришли.

Он немного погас и вновь стабилизировал свет, словно собирал остатки сил.

– Мистер Секунда, – сказал он чуть строже, как раньше, – скажи им. Город... должен знать, за что держаться.

Часы вздрогнули в ладони Леи. Свет в них стал плотнее, собраннее. Голос – серьёзным.

– В Городе... всегда было три ключа, – сказал он. – Первый – Искра Надежды. Вы его нашли. Второй – Смелость Сердца. Вы его открыли. И именно благодаря этому Город... всё ещё здесь.

Лея и Артём переглянулись. Казалось, эти слова немного согрели воздух вокруг.

– Но есть третий, – продолжил Мистер Секунда. – Самый важный. Самый трудный. Тот, который нельзя... ни найти на улице, ни украсть у врага, ни выпросить у волшебника. Его можно только... зажечь.

Лея почти знала ответ. Но всё равно спросила:

– Как он называется?

– Свет Внутри, – сказал Мистер Секунда тихо, но так, что эти слова будто отозвались в каждой пустой улице. – Город держится на том, что люди верят в чудо не потому, что его им показали... а потому, что они сами могут его создать. Пока у человека внутри есть свет, Город Чудес жив. Если свет гаснет... гаснет и он.

Фонарь-страж тихо кивнул.

– И теперь... – добавил он, – этот свет нужен как никогда.

Лея почувствовала, как где-то в груди вспыхнуло маленькое, едва заметное тепло. Не громкое. Не ослепительное. Но упрямое.

А рядом Артём выдохнул и тихо сказал:

– Ну что ж... значит, будем зажигать. Даже если придётся начать... с самих себя.

И Город – этот серый, почти исчезнувший Город – словно на секунду прислушался к их словам.

Как только Мистер Секунда произнёс слова «Свет Внутри», Лее показалось, что что-то едва заметно дрогнуло не только в её груди, но и вокруг. Будто сам Город прислушался и тихо спросил: «А он ещё есть?»

– Свет... внутри, – повторил Артём, почесав затылок. – Звучит красиво. И совершенно непонятно. Это типа... быть хорошим человеком? Или ходить с фонариком в сердце?

Фонарь-страж слабо усмехнулся. Его лампа на миг вспыхнула теплее, как старый фонарик, который всё ещё умеет шутить, несмотря ни на что.

– Если бы всё было так просто, – сказал он. – «Быть хорошим» мало. Часто те, кто считают себя хорошими, первыми говорят: «Не выдумывай, мечты – ерунда».

Лея кивнула. Она сразу вспомнила все «будь реалисткой», «перестань фантазировать» и «так жизнь не работает», которыми взрослые так щедро бросались, как будто это конфеты, а не тяжёлые камни.

– Свет Внутри, – продолжил Мистер Секунда, – это когда ты не только веришь в чудеса... но и веришь, что можешь быть частью них. Что твой голос, твой выбор, твоя смелость – важны. Даже если никто вокруг так не думает. Особенно если никто не думает.

– Это... ответственность, да? – тихо спросила Лея.

Ей вдруг стало очень серьёзно. Слово «ответственность»

она слышала часто – от учителей, от родителей. «Ты должна быть ответственнее», «ответственно подходить к урокам», «ответственно выбирать будущее». Но здесь оно звучало иначе. Не как тяжёлая сумка, которую на тебя вешают, а как ключ, который дают только тем, кому доверяют.

– Ответственность... за свой свет, – подтвердили часы. – Пока люди думают, что чудеса – это что-то, что им должны принести готовым... Город слабеет. Он живёт там, где кто-то говорит: «Я сам буду светить, сколько смогу. Даже если темно».

Артём оглянулся на серые дома.

– Тут как-то... не видно таких, – вздохнул он. – Или они очень хорошо прячутся.

– Они есть, – вмешался фонарь-страж. – Те, кто ещё не сдался, – остаются. Становятся тусклее, слабее... но всё равно держатся. Именно из-за них Город ещё не исчез. Вам нужно... их найти.

– Звучит как квест, – буркнул Артём. – «Найди оставшихся и зажги их внутренний фонарик». Только вот как мы это сделаем? Нажмём на кнопку «вкл»?

Лею его слова почему-то не рассмешили, но улыбнуться она всё-таки смогла.

– Может, для начала – просто найдём, – сказала она. – А там разберёмся.

Она сделала несколько шагов по улице. С каждым шагом под ногами было чуть менее глухо, словно Город присматри-

вался: можно ли им доверять свои последние уголки света.

Первая фигура показалась из переулка. Маленькая, тонкая, почти прозрачная. Это был мальчик – не совсем человек, не совсем свет. Его волосы были сделаны из слабо мерцающих ниточек, которые когда-то выглядели яркими, как гирлянды на празднике, а теперь тускнели, обрывались. На шее болталась табличка, на которой когда-то наверняка было написано что-то красивое. Сейчас буквы почти стерлись.

– Привет, – осторожно сказала Лея. – Мы... вернулись.

Мальчик остановился. В его глазах, похожих на два маленьких огонька, вспыхнуло узнавание.

– Это вы, – выдохнул он. Голос у него был хриплый, как у человека, который давно не говорил. – Те самые... кто не дал Безлику победить тогда. Я думал... я боялся... что вы забыли.

– Мы... пытались жить обычной жизнью, – честно сказала Лея. – Но чем дальше, тем... труднее было делать вид, что всё нормально.

– Никому нельзя долго притворяться, что ему всё равно, – вмешался Мистер Секунда. – Даже если очень старается.

Мальчик с ниточными волосами подошёл ближе. Теперь Лея увидела на его табличке едва заметные буквы: «Смелость Начинать».

– Раньше... – он говорил медленно, подбирая слова, – я помогал людям делать первый шаг. Они приходили сюда, когда только-только решались мечтать. Я зажигал в них... ма-

ленькие огоньки. А потом... они уходили в свой мир. И если сохраняли этот огонёк, Город становился сильнее. Но сейчас... – он опустил голову, и несколько нитей волос обломались и рассыпались на светящиеся пылинки, – никто не приходит. Они даже думать боятся о том, чего хотят по-настоящему.

Лея почувствовала, как внутри всё сжалось. Это было слишком похоже на её собственный мир: «думать о реальности», «ставить реальные цели», «выбирать то, что выгодно». И так мало – «чего ты на самом деле хочешь?»

– Ты... всё ещё здесь, – сказала она. – Значит, не всё потеряно.

Мальчик удивлённо посмотрел на неё.

– Я... не знаю, – признался он. – Иногда мне кажется, что я просто остался по привычке. Как старый фонарь на заброшенной улице. Стою, хотя никто не проходит.

– Но мы вот пришли, – возразил Артём. – Значит, улица ещё кому-то нужна.

Он сказал это так уверенно, что свет в глазах мальчика стал чуть-чуть ярче.

– Вы... правда пришли не попрощаться? – спросил тот. – А... бороться?

Слово «бороться» прозвучало слишком большим, почти неудобным. Но Лея всё равно кивнула.

– Мы не знаем, что именно делать, – сказала она. – Но знаем, что не хотим, чтобы ты исчез. И Город тоже.

Мальчик почему-то смутился. Даже его ниточные волосы чуть дрогнули, будто от ветра.

– Тогда... я постараюсь вспомнить, как это – зажигать первые шаги, – тихо сказал он. – Если вы... будете рядом.

– Мы будем не только рядом, – добавил Артём. – Мы ещё и вперёд полезем. Уж это у нас получается.

Они пошли дальше, и теперь Город, казалось, сам выводил их к тем, кто остался.

На площади, где когда-то кружились танцы из световых линий, теперь было почти пусто. Лишь в одном углу сидело существо, похожее на девочку, но сделанное из смятой бумаги. На её платье были набросаны обрывки фраз: «хочу попробовать», «а вдруг получится», «никто не поймёт, но...» Многие слова были зачёркнуты толстыми тёмными линиями.

– Это... Записка Смелого Желания, – тихо сказал фонарь-страж. – Она собирала все «я бы хотел... но боюсь сказать». Теперь люди даже себе их не признают. Ей почти нечего записывать.

Лея подошла и присела рядом.

– Можно?... – спросила она.

Бумажная девочка подняла голову. Её глаза были мятыми, но в них ещё горели небольшие точки света.

– Ты... кто? – спросила она негромко. – Очередная «будь как все»?

– Нет, – покачала головой Лея. – Я – та, кто сама боится,

но всё равно говорит. Иногда шёпотом. Иногда – только себе. Но... говорит.

Бумажная девочка внимательно на неё посмотрела. Потом улыбнулась – чуть-чуть, тоненькой улыбкой, как карандашная линия.

– Тогда... я запишу тебя, – сказала она. – Ты... ещё одна, кто не сдался.

На её платье вспыхнула новая строка. Совсем маленькая, но очень чёткая: «Я боюсь, но всё равно пойду».

У Леи защипало в глазах сильнее. Но это были не только грустные слёзы. В них было что-то светлое. Как будто Город, при всех своих разрушениях, всё ещё умел подарить ей то, что она сама не решалась себе признать.

– Видите? – прошептал Мистер Секунда. – Свет Внутри... не всегда громкий. Иногда он – просто честность с собой. Но даже этого хватает, чтобы Город... отреагировал.

Артём подошёл к бумажной девочке и хитро склонил голову.

– А меня запишешь? – спросил он. – Я тот, кто делает вид, что ему всегда легко, но внутри иногда хочет сбежать под одеяло и сделать вид, что это всё – не его история.

Девочка усмехнулась – уже чуть смелее.

– Запишу, – сказала она. – Потому что ты всё равно пришёл.

На другом краю площади они увидели ещё нескольких жителей. Кто-то был почти прозрачен, кто-то сохранял толь-

ко одну деталь – яркий шарф, светящиеся глаза, одну руку, оставшуюся чёткой. Они подходили к детям несмело, словно сами себе не верили, что те – настоящие.

– Это правда... вы? – спрашивал один.

– Вы... вернулись? – шептала другая.

Лея вдруг почувствовала, как тяжелеет то, что лежит у неё на плечах. Раньше она думала, что быть «надеждой» – это красиво. Сейчас поняла: это очень тяжело. Потому что эти существа, эти части мечтаний смотрят на них так, будто от них зависит, будет ли у них завтра.

– Мы вернулись, – сказала она. – И мы не уйдём, пока... хотя бы не попробуем всё исправить.

– Мы не волшебники, конечно, – добавил Артём. – Но нас двое, один упрямый хронометр и куча внутреннего света, который пока ещё не заклеили скотчем. Может, этого хватит для начала.

Город как будто вздохнул.

Не громко. Не как раньше, когда его вдохи были похожи на фейерверки. Сейчас – тихо, с хрипом. Но всё-таки вдохнул.

Где-то на дальнем конце площади зажётся один фонарь. Потом другой. Они горели слабо, неровно, но уже не были пустыми. А в тишине стало слышно что-то едва различимое. Не музыка. Её ещё не было. Но ритм. Похожий на очень тихое биение сердца.

– Он... ещё жив, – прошептала Лея.

– И ждёт, – ответил Мистер Секунда. – Ждёт, поймут ли те, кто сюда пришёл, что настоящий ключ – не в башнях, не в тайниках и не в чужих чудесах. А в том, что они принесут с собой.

– Свет Внутри, – повторил Артём. – Который мы сами должны зажечь... и не дать потушить.

Он посмотрел на Леи, на жителей, на потемневшие дома. Ему было страшно. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь взрослый пришёл и сказал: «Ладно, мы сами, вы свободны». Но никто не приходил. И вдруг он понял: может быть, именно поэтому пришли они.

– Вот что, – сказал он, уже твёрже. – Мы вас не обещаем красивый и лёгкий конец сказки. Но обещаем, что не победим обратно при первом же тумане. Договорились?

Кто-то из жителей кивнул. Кто-то просто стал чуть ярче. Кто-то поднял голову.

А Город Чудес, стоящий на краю исчезновения, мягко ответил им хрупким, но упрямым светом. И этот свет оказался не снаружи – он вспыхивал в каждом, кто, несмотря на страх, всё-таки оставался.

Глава 4 – Новый Безлик

Туман пришёл не сразу.

Сначала была странная дрожь воздуха. Едва заметная, как вибрация струны, по которой ещё не провели смычком. Лея почувствовала её первой – где-то внутри, под рёбрами. Будто мир сделал глубокий вдох... и не решил, выдохнуть ли.

Они стояли на площади, среди почти пустых домов, среди тех немногих жителей, что ещё не рассыпались в светящуюся пыль. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то просто держался за фонари, как за столбы в сильный ветер. Но ветра не было. Было только ожидание.

– Ты это чувствуешь? – тихо спросил Артём.

– Да, – так же тихо ответила Лея. – Как будто... сейчас что-то скажут. Не мы.

Мистер Секунда тяжело тикнул в её ладони. Его свет стал ровным, собранным.

– Он идёт, – сказал он. – Но... уже не тот, кто был раньше.

Туман показался из-за домов. Не резкой волной, не обвалом, а медленным, уверенным наплывом. Как вода, которая точно знает, что доберётся до берега, и не спешит. Белёсая масса растекалась по мостовой, обволакивала фонари, обнимала стены. Но теперь в ней было что-то ещё – не только пустота.

Внутри тумана вспыхивали бледные отблески, как слабые отражения. Лея вгляделась – и с ужасом поняла: это не просто свет. Это кусочки чьих-то лиц. Чьи-то глаза, улыбки, брови, силуэты. Всё перемешалось в странную, лишённую формы массу.

– Фу... – прошептал Артём. – Как будто кто-то собрал все «ничьи лица» в одну кучу.

Туман поднимался выше. Он больше не стелился по земле, как раньше. Он рос. Вытягивался. Собирался. И че-

рез несколько мгновений над площадью уже возвышалось... нечто.

Огромное.

Не как монстр из страшной сказки, с клыками и лапами. Безлик был страшен по-другому. У него не было чётких очертаний. Он был как столб густого, плотного тумана, в котором иногда проступали размытые контуры – то голова, то плечо, то рука. Но всякий раз, когда форма почти складывалась, она тут же растворялась, словно сам он не хотел иметь вид.

И всё же он был. Мощный, тяжёлый, уверенный в себе – как грозовая туча, которая точно знает, что дождь будет.

Где-то наверху, там, где у людей бывает лицо, клубилась гладкая, почти зеркальная поверхность. Лея увидела в ней своё отражение – маленькое, испуганное, но упрямое. Рядом – Артёма. Чуть дальше – тусклый свет фонаря-стража. Все они отражались, но как будто... ненастоящие.

– Это он, – одними губами сказала Лея.

– Заметно, – так же тихо ответил Артём. – Раньше он хотя бы делал вид, что прячется. Теперь – вообще не стесняется.

Туман внутри колосса заколебался. И в следующую секунду раздался голос.

Он не гремел. Не рычал. Не был похож на шёпот из кошмаров.

Он был спокойным.

Слишком спокойным.

– Наконец-то, – сказал Безлик. Но это не было «сказал». Голос звучал одновременно в воздухе, в мостовой, в стенах домов и где-то глубоко в груди у каждого. – Те самые дети. Я ждал вас.

В его голосе не было насмешки. Была... уверенность. Та, от которой хочется спрятаться, даже если тебе ничего плохого не говорят.

– Мы тоже тебя помним, – ответил Артём. Он стоял прямо, хоть плечи у него и были чуть напряжены. – Ты тогда пытался превратить всё в пустоту. Мы не дали. Помнишь?

– Тогда, – мягко повторил Безлик. – Тогда я был слабее. Я был всего лишь тенью чужих страхов. Шёпотом, которому ещё не слишком верили. Теперь... вы сами помогли мне вырасти.

Лея вздрогнула.

– Мы? – возмутилась она, но голос прозвучал тише, чем она хотела.

– Не вы вдвоём, – уточнил Безлик. – Вы – как раз те, кто мешает. Но вы – из мира, который меня создал. Каждый «не выдумывай», каждый «будь как все», каждый «мечты – глупость» – это был мой маленький шаг. Каждый раз, когда кто-то выбирал серость вместо света, я становился сильнее. Теперь я – не просто туман. Я – выбор. Выбор большинства.

Он сказал это без гордости. Просто как факт.

У Леи внутри всё сжалось. Слова про «выбор большинства» звучали так логично, что захотелось закрыть уши.

Фонарь-страж дрогнул, его свет стал меньше, тоньше.

– Ты... пользуешься тем, что люди устали, – хрипло сказал он. – Ты влезаешь туда, где им больно.

– Я предлагаю облегчение, – спокойно возразил Безлик. – Мир устал от света. Свет – это ответственность. Если ты видишь, значит, должен что-то сделать. А в серости можно просто... быть. Без лишних вопросов. Люди сами выбрали. Я лишь подарил им то, о чём они давно просили.

Лея стиснула зубы.

Потому что в этих словах было... слишком много правды. Или почти правды. Она вспомнила родителей, учителей, прохожих, соседей. Столько раз она слышала: «Мне уже не до мечтаний», «главное – стабильность», «я просто хочу тишины». Они не просили Безлика. Но они как будто звали его.

– Неправда, – тихо сказала она, хотя себе самой казалась очень маленькой на фоне гиганта из тумана. – Не все так выбирают.

– Нет, не все, – согласился Безлик. – Вы, например, всё ещё цепляетесь за свои огоньки. Заметно. И город... цепляется. Но посмотрите вокруг.

Туман вокруг них чуть расступился, открывая вид на улицы. Пустые дома. Тусклые фонари. Полупрозрачных жителей, почти исчезнувших. Пятна «ничего», там, где когда-то кипела жизнь.

– Это результат выбора, – продолжил Безлик. – Ваши люди устали от расстройств. Им надоело надеяться и терпеть

поражения. Им надоело верить. Они сами отказались от света. Я не пришёл к ним с войной. Я пришёл как ответ на их просьбы: «Сделай так, чтобы не было больно». И я делаю. Стираю то, что ранит. Вместе с тем, что делает живыми. Их выбор. Не мой.

Эти слова резали сильнее, чем любое «я вас уничтожу». Потому что звучали... разумно. Иногда взрослые говорили почти то же самое, только другими словами: «зачем пытаться, если всё равно не получится», «надо быть практичнее», «лучше не начинать, меньше разочарований».

– Если бы им... нужен был свет, – продолжал Безлик, – почему же они сами его гасят? Почему смеются над теми, кто мечтает? Почему первым делом учат детей «быть как все», а не «быть собой»? Почему каждый, кто зажигает огонёк, слышит: «Ты ещё поймёшь, что это глупо»? Я всего лишь... помог их словам стать реальностью.

Артём сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

– Хватит, – выдавил он. – Ты говоришь так, будто все люди одинаковые. Будто никто не пытается. Будто... мы вообще ничего не стоим.

– Я не говорю «никто», – отозвался Безлик всё так же мягко. – Я говорю – большинство. Мир... не плохой. Он просто устал. Я – не монстр. Я – тишина, которую они хотят. Без ожиданий. Без срывов. Без надежд. Надежды – слишком острые. На них легко порезаться.

Лея suddenly почувствовала, что хочет... согласиться.

Только на секунду. Было в этой идее что-то очень заманчивое: представить жизнь, в которой не надо рваться, стараться, ждать, верить. Просто плыть. Просто быть одной из многих. Без страха ошибиться.

«Ты ведь и сама иногда этого хочешь», – прошептал внутренний голос. Очень тихо. Но она его слышала.

Она вспомнила вечера, когда хотелось выключить сердце, чтобы не болело, когда папа говорил: «Будь разумной», мама – «так жизнь устроена», одноклассники – «чего ты переживаешь, всё уже решено за нас». В такие моменты мысль «может, и правда не мечтать?» казалась не такой уж глупой.

Именно поэтому слова Безлика попадали так точно.

– Видишь? – он словно услышал её мысли. – Ты не плохая. Ты просто... уставшая. Вы оба. Вы хотите спасти город. Но за что вы боретесь? За мир, в котором вас всё равно назовут странными? За людей, которые предпочтут безопасность чуду? Разве свет нужен там, где все закрыли глаза?

Он не кричал. От этого становилось только хуже.

Жители вокруг, и так еле живые, начали гаснуть ещё сильнее. У кого-то потускнели глаза. У кого-то осыпались последние цветные детали. Бумажная девочка чуть сжалась, её строки «я боюсь, но всё равно пойду» поблекли, словно их полили водой. Мальчик с ниточными волосами опустил голову.

– Может, он... прав, – прошептал кто-то из них.

– Может, стоит... отпустить, – хрипло сказал другой. –

Так... не будет так больно.

Туман вокруг Безлика заволновался, как довольный зверь, которого погладили.

– Я не заставляю, – произнёс он мягко. – Я предлагаю. Серость – не зло. Это просто... отсутствие лишнего. Вы перестанете рваться. Перестанете надеяться. Перестанете разочаровываться. Зачем вам этот город, если он приносит вам только боль и страх? Зачем вам свет, если от него устают глаза?

Слова падали медленно. Каждое – как капля, вымывающая цвет.

Лея стояла, чувствуя, как внутри всё раскачивается. Её свет – тот, о котором говорил Мистер Секунда, – мерцал, колебался, как маленький фонарик на сильном ветру. Часть её души шептала: «Нет, он неправ», другая – тихо признавалась: «Иногда я тоже так думала».

И именно от этого становилось страшнее всего.

Некоторое время после его слов никто не говорил.

Тишина стала ещё плотнее. Не та, в которой комфортно посидеть и подумать, а та, которая давит на плечи и шепчет: «Сдавайся, так легче». Лее казалось, что даже Город перестал дышать – ждал, что они ответят, или... промолчат.

Внутри у неё всё спорило. Одна часть хотела закричать: «Ты врешь!», другая – осторожно признать: «Часть из этого правда». Она вспомнила, как сама иногда думала: «Лучше не надеяться, чем потом разочароваться». И то, что эти слова

теперь звучали из уст Безлика, было особенно неприятно.

– Смотри, – мягко продолжил он, словно почувствовав её сомнения. – Ты же знаешь, как это. Ты мечтала, тебя не понимали. Ты задавала вопросы, а тебе говорили: «Будь серьёзной». Ты верила в чудеса, а вокруг считали это детством, от которого надо вырасти. Разве не было моментов, когда ты хотела просто... перестать чувствовать?

Лея резко вспомнила вечер, когда мама устало сказала: «Я больше ни во что не верю, кроме отчётов и зарплаты». Вспомнила, как папа закрыл ноутбук и тихо произнёс: «Надо просто жить, а не надеяться». Вспомнила, как одноклассники хохотали, когда она рассказала свою «слишком сказочную» идею для проекта.

Конечно, такие моменты были.

Это и было самым страшным.

– Да, – хрипло призналась она. – Были.

Безлик не обрадовался вслух. Но туман вокруг него стал плотнее, увереннее. Как будто его подлили в чашку.

– Вот видишь, – произнёс он. – Ты – не плохая. Ты просто устала. Все устали. Мир не хочет света, который постоянно требует сил. Мир хочет спокойной серости, где никто ни от кого ничего не ждёт. Я лишь... делаю то, что людям давно нужно.

– Неправда, – вдруг сказал кто-то очень тихо.

Все обернулись. Это был мальчик с ниточными волосами – тот самый, который помогал людям делать первый шаг.

Сейчас он казался ещё прозрачнее, чем минуту назад, но в глазах у него сверкнул тонкий, упрямый огонёк.

– Людям не нужна серость, – продолжил он, словно удивляясь тому, что осмелился перебить самого Безлика. – Они просто боятся света. Он слишком яркий. В нём видно, где ты сам повернул не туда. Но то, что они боятся, не значит, что им нужно отсутствие.

Безлик повернул к нему гладкую, чуть блестящую «поверхность-лицо».

– Страх – тоже выбор, – спокойно сказал он. – Никто не мешает им идти вперёд. Но большинство... останавливается. И каждый, кто останавливается, делает меня сильнее.

– Значит, дело не в тебе, а в них, – медленно произнёс Артём. – Но ты всё равно пользуешься этим, как будто это оправдание.

Он говорил спокойно, почти по-взрослому. Лея удивилась: этот тон совсем не походил на его обычные шуточки. Но Секунда всегда говорил, что смех и серьёзность в нём живут рядом. Похоже, сейчас серьёзность вышла вперёд.

– Ты говоришь умно, – продолжил Артём. – И половина того, что ты говоришь, правда. Люди устают. Люди сдаются. Люди выбирают «так легче». Но вторая половина – ложь. Ты делаешь вид, что раз многие сдались, значит, так и должно быть. Словно те, кто не сдаются, не в счёт.

Безлик помолчал. В тумане пошли лёгкие, едва заметные круги, как на воде.

– Меня создала не вера тех, кто не сдаётся, – наконец произнёс он. – А привычка большинства опускать руки. Я – отражение средних. Серость – безопасна.

– Серость – мертва, – неожиданно резко вмешался Мистер Секунда.

Его голос прозвучал отчётливо, звонко, даже чуть громче, чем раньше. Как будто разговор с Безликом разозлил даже время.

– Ты прав в одном, – продолжил он. – Люди действительно устают. Они часто потворствуют твоему туману. Они сами дают тебе силы своими «не получится», «не хочу пытаться», «всё равно не выйдет». Но ты забываешь, Безлик: Город Чудес родился не из большинства. Он родился из тех немногих, кто шёл против привычки. Не «все» сделали его живым. Несколько. Но по-настоящему.

Лея почувствовала, как внутри откликаются эти слова. Не обязательно, чтобы все верили. Достаточно, чтобы кто-то продолжал.

– Мир... – она вскинула голову и посмотрела на гиганта из тумана, – может и устал. Но это не значит, что ему не нужен свет. Это значит, что ему тем более нужен тот, кто напомним, зачем он вообще когда-то зажигал огни.

Безлик молчал. Его «лицо» едва заметно наклонилось, словно он всматривался в неё.

– Ты слишком мала, чтобы нести такую ношу, – мягко сказал он. – Ты хочешь помочь всем, но никто тебя об этом не

просил. Если ты останешься... просто ребёнком, ты будешь жить тихо. Без лишнего боли. Зачем тебе быть надеждой для тех, кто даже не знает, что ты за них борешься?

Эти слова били по самому больному.

Лея иногда и сама так думала. Особенно, когда смотрела на взрослых, которые жили «как принято», и на детей, которых уже учат не верить в чудеса. Казалось несправедливым, что две пары детских рук должны удерживать целый умирающий город.

Только... дело было не в справедливости.

– Не потому, что нас просили, – тихо сказала она. – А потому что мы не можем иначе. Если я вижу, что кто-то тонет, я не буду думать: «Ну он же сам полез в воду». Я всё равно протяну руку. Даже если он меня не знает. Даже если потом скажет, что я была глупой.

– А если он утянет тебя за собой? – уточнил Безлик. – Если в попытке спасти его ты утонешь сама? Вот о чём я. Свет – это всегда риск. Серость – никогда.

– Тогда я хотя бы буду знать, за что боролась, – вмешался Артём. – Если всё равно болеть, я выбираю боль за что-то живое, а не пустоту без чувств. Знаешь, что по-настоящему страшно? Не ошибаться. А прожить так, как будто тебя никогда не было.

Слова получились корявыми, не как в книжках про героев. Но в них было что-то такое, от чего несколько серых фигур вокруг выпрямились. Кто-то поднял голову. У кого-то

дрогнула ладонь.

Бумажная девочка, которую Лея заметила раньше, медленно расправила плечи. Одна из строк на её платье снова стала ярче: «Я боюсь, но всё равно пойду» перестала быть мокрым, расплывшимся силуэтом, а стала чёткой, как только что написанной.

– Видишь? – тихо сказал Мистер Секунда. – Пока хотя бы кто-то выбирает свет, ты не можешь быть единственной правдой.

Туман вокруг Безлика немного заволновался. Совсем чуть-чуть. Как будто в идеально спокойное озеро бросили маленький камушек.

– Вы... упрямы, – наконец произнёс он. И в первый раз в его голосе прозвучало что-то вроде раздражения. – Упрямство – забавный вид света. Очень недолго горит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.